

СМЕХ В МАГИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ РУССКОГО КОЛДУНА

В последние годы жизни Т.А. Бернштам обратилась к изучению эмоций — смеха и плача — в традиционной культуре восточных славян. Она высказала предположение о том, что смех и плач являются равнозначными эмоциональными категориями и составляют «феномен оппозиционного единства» [Бернштам 2008: 303]. В магических практиках колдуна смех составляет оппозицию с другой эмоцией — страхом. Как показывает анализ функций и семантики мотивов мифологических рассказов о колдунах, в которых присутствует смех и страх, они нередко имеют глубокие архаические корни.

Смех в магических практиках колдуна нередко сопутствует страху или сменяет его. А.Г. Козинцев отмечал, что страх и смех связаны непрерывной гаммой переходов [Козинцев 2002: 157]. Следует отметить, что страх — основная эмоция, которую испытывают по отношению к колдуну: «колдунов все боялись» — распространенная формула мифологических рассказов о колдунах. Колдун, который вселяет страх в окружающих, сам смеется довольно часто. Обычно смех колдуна обозначается словом «хохочет»: хохот — это громкий смех, который не соответствует принятым нормам поведения. Прежде всего хохот колдуна свидетельствует о его связи с потусторонним миром, нечистой силой: «хохот — один из существенных признаков водяных, русалок, леших», отмечал еще Н.А. Афанасьев. Хохот лешего, русалки, водяного выдает их даже в том случае, если они появляются в облике обычного человека. Смех колдуна может являться причиной страха и усиливать его, так же, как смех мифологических персонажей: например, русалка смеется при виде человека: «А смех такой, что страх наводит» [Мифологические рассказы 1987: № 70].

Смех может свидетельствовать о магических способностях колдуна, его провидении. Например, в мифологическом рассказе о пребывании человека у лешего, где колдун выступает в качестве посредника: «Настроение у меня было плохое, и не знаю, что тогда со мною было: то ли сон это был, то ли голова помутнела, не то шибашка меня схватила. <...> Выпить хотелось с горя, но не на что. <...> Сам про себя подумал: хоть бы какой леший в гости меня позвал. Не успел я одуматься от своих мыслей, как передо мною вырос сосед Марк (колдун. — *Н.М.*). Стоит,

хохочет своим густым басом. Ростом он был высокий, в плечах — кося сажень, а глаза такие большие да черные, крещеному смотреть на них страшно» [Легенды, предания, бывальщины 1989: 193]. Смех колдуна символизирует превосходство над профанами, которое обусловлено владением им «тайным» знанием.

В некоторых быличках вначале окружающие испытывают страх перед колдуном, а затем он заставляет смеяться. Смех колдуна обычно направлен на ближайшее окружение, односельчан. Страх перед колдуном и его смех определяют место, занимаемое им в деревенском сообществе. Страх обычно испытывают «низшие» по отношению к «высшим» [Лотман 1970], а обладание колдуном «тайным» знанием позволяет требовать оказания ему уважения, почета. Как выразилась одна из моих карельских информантов, «ему в чести надо быть», а также держать в страхе окружающих и безнаказанно смеяться над ними.

Смех и страх колдуна выражает позицию доминирования над односельчанами. Зачастую колдун демонстрирует свою силу, чтобы посмеяться над окружающими; так, очень сильный колдун-чернокнижник «делал на дороге озеро. Идут бабы, мужики. Все с себя скинут, разголятся, тут он озеро и уберет» [Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья 2007: 217]. Смех колдуна, как правило, не имеет значения устрашения, угрозы, агрессии; он не свидетельствует о его намерении совершить вредоносные действия.

Колдун нередко нарочито демонстрирует свою силу, чтобы вызвать в окружающих страх, затем он смехом снимает страх, например когда показывает своих помощников — чертей (мифологические сюжеты «Колдун морочит»). В других рассказах на этот сюжет колдун демонстрирует, как он пролезает сквозь дерево, кто-либо из присутствующих пытается вывести его на чистую воду и говорит, что колдун ползет рядом с деревом; в этот момент загорается его сено на возу, человек обрубаёт вожжи, выясняется, что в действительности с сеном ничего не произошло, и теперь обличитель сам становится объектом осмеяния односельчанами [Мифологические рассказы 1987: № 331]. Смех колдуна нередко снимает страх, поскольку, как правило, он показывает, что угроза, исходящая от него в данный момент, не смертельна, что происходящее — скорее игра.

Смех в магических практиках колдуна связан с обманом. Колдуна считают обманщиком, определяется это следующими понятиями: «обманывает», «морочит», т.е. разными способами вводит в заблуждение профанов, смеется над ними.

В диалектных названиях колдунов — *морокун, морокунья, морокуша* — отгадчик, знахарь, колдун, ворожея [Даль 1912–2: стлб. 910] — прежде всего подчеркивается их способность отправлять магические практики: наводить порчу, ворожить, предсказывать, приоткрывать завесу над будущим. Также *мерек* — злой дух, привидение [Фасмер 2008: 2: 602].

Слово «морочить» («морок» — мрак, туман) связано с представлениями о временной утрате видимости, зрения, однокоренное со словами «меркнуть, мерцать». На этом основано дальнейшее развитие значения, связанное с магической силой колдуна, его провидческими способностями. Исходный смысл корня слова «обман» — «волшебная сила, иллюзия действительности», слово «мана» — искушение, приманка [Колесов 2004: 135]. У Даля — мана — обман чувств, связанный с понятиями «блзнить», «чудиться», «мерещиться» [Даль 1912–2: стлб. 773, 774]. В мифологическом сознании «обман» ассоциируется с пустотой и соотносится с нанесением морального и физического ущерба [Панченко 2007: 132]. Обман связан с искривлением, искажением действительности. Для русского сознания также характерен христианизированный стереотип восприятия обмана как греха: «Лихо (худо) будет тому, кто неправду делает кому».

Обман — черта фольклорного героя-трикстера: хитрые трюки обычно способствуют достижению какой-либо цели, у трикстеров — удовлетворению голода или похоти, у колдунов обман способствует демонстрации магической силы, упрочению статуса, победе над другим колдуном. Таким образом, колдун наделен чертами героя-озорника. Иногда акции колдуна представляют собой пародию на колдовские ритуалы.

Насмешки колдуна вызывают у окружающих страх, смех, изумление, восхищение. Это форма архаических отношений для обмена услугами и предметами, связанная с подшучиванием, о ней упоминает А. Рэдклифф-Браун [2001]. Смех и страх выполняют сходные функции: колдун с помощью этих эмоций добивается того, чтобы к нему обращались за услугами.

Колдун нередко смеется и над представителями власти, которые пытаются запретить ему заниматься магическими практиками. Обычно это выражается в том, что с официальными лицами происходят чудесные вещи; например, во время экспедиции в Карелию в 2004 г. нам рассказывали о местном колдуне, которого в 1950-е годы пыталась арестовать милиция. Но с представителями власти происходили чудесные вещи: например, улетало оружие и портупея, и они, посрамленные, испытывая чувства страха и стыда, отправляются восвояси. Здесь смех выступает

как орудие наказания. Колдун с помощью смеха демонстрирует обладание магической силой, дающей превосходство над представителями власти.

Колдун постоянно смеется над окружающими, но не допускает смеха над собой. Если над колдуном посмеется профан, то обычно он бывает за это жестоко наказан: например, колдун найдет на него порчу. Так, юноша пошутил над девушками, одна из которых — колдунья, вскоре он почувствовал, что его испортили [Мифологические рассказы 1987]. Юноша «неправильно» повел себя по отношению к магическому специалисту, за это он наказан, вынужден идти на поклон к колдуну, просить у него прощения, и, возможно, тогда колдун смиростивится над ним и снимет порчу, или следует обращаться за помощью к другому специалисту. Здесь, в отличие от большинства мотивов быличек о колдунах, смех профана над колдуном предшествует страху, который он вызывает.

Распространенный мотив мифологических рассказов — «колдун портит свадьбу, шутит над ней». Исследователи (М.М. Бахтин, В.Я. Пропп, О.М. Фрейденберг и др.) отмечали связь смеха с культом плодородия, с ритуалами, направленными на пробуждение жизненных сил природы и человека. Изучение смеха колдуна на свадьбе позволяет обнаружить чрезвычайно архаические пласты представлений об этом персонаже мифологических рассказов.

Так, в рассказе об отце-колдуне его характеризуют как весельчака.

Отец «такой смешной был». Едет свадьба на конях. Он: «Посмеяться надо? Девки, вам охота посмеяться?» — «Кого ты сделаешь?» — «Свадьбу сейчас остановлю»... Вот как-то сделает — кони на дыбы, и свадьба станет... Хохотали. Потом рукой махнет: «Айда». И свадьба пойдет [Ермакова 2005: 183].

В мифологических рассказах поведение колдуна на свадьбе описывается стереотипно: либо его приглашают на свадьбу, чтобы он дал «отпуск», его одаривают (приносят жертву), тогда он успешно проводит свадебный обряд, либо о нем забыли, не поднесли дары, он обижен и из мести насылает порчу на жениха и невесту, реже — гостей. Мотивировкой наведения порчи является «неправильное», неуважительное отношение к колдуну:

Нагальтятся (посмеются с издевкой. — *Н.М.*) на свадьбе, как могут, если вежливец (колдуна. — *Н.М.*) не пригласить. Один знает, его созовут... А другой пуще того знает... И он назло сделает, нагальтятся над свадьбой [Востриков 2000: 64].

Действия колдуна могут оцениваться рассказчиками как страшные, вызывающие ужас (например, превращение жениха в невесту или всего свадебного поезда в волков), или как смешные. Иногда и события, на первый взгляд ужасающие, определяются понятиями, связанными с представлениями о смехе. В Восточной Сибири и на Русском Севере акции колдуна по отношению к участникам свадебного обряда называются «пошутил», «шутка», «насмешку сделал», «над свадьбой насмехаться», «галиться», «подыграться» (насмехаться).

«Испортить свадьбу» / «поломать свадьбу» и «подшутить» являются синонимами. Так, казаки спорят: «Кто говорит, можно свадьбу испортить, кто нет» [Мифологические рассказы 1987: 302]. Далее один из казаков спрашивает у командира разрешения «подшутить над свадьбой» [Там же].

Действия колдуна — «подшучивание» — могут привести к тому, что жених и невеста умирают, теряют сознание, утрачивают разум и т.д.

У нас вот в Ушумуне был Кирик Захарыч. Дак тот умертвлял даже. Не только че! Свадьба было... А его не пригласили. Он и подшутил... Когда вечеринку отвели, надо расходиться, оне занялись: перво жених улетел, потом невеста, потом поезд. Упали [Там же: № 297].

После того как к колдуну приходят на поклон, он оживляет молодых.

На свадьбе, как и в других обрядах перехода, происходит временное снятие признаков культуры с главных участников — жениха и невесты. Смех, вызываемый колдуном, способствует «отмене культуры»: «Смех не просто позволяет временно и коллективно блокировать речь, остановить мысль, прервать культурно-обусловленное действие и вообще “отменить” культуру» [Козинцев 2007: 128]. Пожалуй, «отмена культуры» — одна из важнейших функций смеха на свадьбе.

В свадебном обряде магические действия колдуна вызывают страх, который сменяется смехом. Часть обряда, связанная с символической «временной смертью» жениха и невесты, вызывает чувство страха, а «возрождению» сопутствует смех. Акции колдуна нередко именуются по части, связанной со смехом.

Один из способов колдуна «сделать насмешку» заключается в том, что он заставляет гостей помимо их воли делать смешные вещи, например обнажаться, что вызывает смех окружающих:

Было семья у нас богатая. Стал сын жениться. Свадебный поезд снарядили, поехали. А ехать мимо речки. Так каждый, кто придет к речке, остановится, ж... помоют и едут к венцу. А кто с холма это видел, уххатывались. Вот какую насмешку могут сделать [Мифологические рассказы и легенды 1996: № 332].

Семантика ритуального обнажения — способствовать активизации генеративных сил жениха и невесты.

Очень любит «шутить» колдун над молодыми в первую брачную ночь. Например, молодые проводят ее в танцах:

Вот молодых в подклеть повели и ушли. А тут все слышат крик, шум. Пришли к ним, а они танцы танцуют и говорят: «Нам Петрович велел, он с нами танцы танцует», а Петрович — это колдун у нас был [Добровольская 2001: 100].

Танцы и смех имеют семантику стимуляции генеративных сил. «Шутки» колдуна выражаются в том, что молодые вместо соития загибают драку:

Вот они спать молодых увели, и эти молодые по-собачьи лаяли, петухами пели, все предрались [Мифологические рассказы и легенды 1996: 100]

Пожалуй, один из наиболее распространенных видов порчи — сделать неспособным к соитию жениха («невстаниха», «нестоиха») или внушить отвращение невесты («закрывать проходы»). Подобные случаи, особенно связанные с потерей сексуальных способностей жениха, наши информанты-женщины обычно описывают, покатываясь со смеха, мужчины — со сдержанной усмешкой (исследования охватывают конец 1980-х годов по наши дни). Как и в других рассказах о колдовстве, причиной порчи является месть обиженного колдуна.

Когда дядюшка женился, его (колдуна. — *Н.М.*) не пригласили на свадьбу. Он обиделся, порчу такую пустил: прямо во время свадьбы дядя закрутился, завертелся, больно ему стало. В деревне знали, что он колдун. Призвали, стакан водки налили, он поладил [ПМА. Карелия. 2004].

Колдун магическими способами создает невозможность вступления в половые отношения в первую брачную ночь. Так, в Заонежье порча на

жениха называлась «убрать (спрятать) в костер». Колдун у дома невесты находил щепку, по очертаниям похожую на человека, и прятал ее в поленицу дров, произнося при этом заговор. Предполагалось, «как молодой не в состоянии найти эту щепку, так он будет не в состоянии найти у жены» [Логинов 1993: 19]. По народным представлениям, соитие не могло произойти, поскольку «у нее убрано все», «закрыто сковородой» [Кузнецова 1992: 126]. Носителями традиции в XIX–XX веках подобные акции рассматриваются как порча.

Представляется, что этот мотив связан с эмоцией страха и основан на поверьях, которые восходят к архаическим представлениям об опасности невесты для жениха в первую брачную ночь, поэтому колдун магическими средствами отодвигает сексуальные отношения молодых на более позднее время. Первая брачная ночь, по представлениям многих народов, — это испытание для жениха, испытание его сексуальной силы. В волшебных сказках очень часто женихи погибают в первую брачную ночь, дефлорация представляет для них опасность: «Мы как общую картину имеем бессилие жениха, демоническую силу женщины и превосходящую ее силу помощника» [Пропп 1986: 326]. Например, в сказке о Катоме [Афанасьев 1985: № 198] помощник заменяет героя на брачном ложе.

Возможно, акции русского колдуна помогут прояснить материал других народов. Ю.Ю. Сурхаско пишет: «У северных карел в первую брачную ночь, а иногда и в две последующие молодым рекомендовалось воздерживаться от половых сношений. Во многих источниках прямо указывается, что патъвашка запрещал новобрачному трогать молодую до тех пор, пока он не снимет с них свои обереги» [Сурхаско 1977: 185]. Подобные обычаи у других этносов рассматривал Е.Г. Кагаров. По его мнению, их можно объяснить стремлением ввести в заблуждение демонов, которые при дефлорации могут проникнуть в тело невесты [Кагаров 1929: 647].

Отголоски архаических обычаев, связанных с представлениями об опасности первой брачной ночи для жениха, прослеживаются в сибирском мифологическом рассказе, где все гости, поднявшись из-за стола, укладываются на постели:

А они поднялись из-за стола и давай все ложиться на кровать, вся эта компания. Все стараются к стене и все! Надо идти гулять, а оне ложатся и ложатся, всем надо к стене [Мифологические рассказы 1987: № 202].

Причину этих действий рассказчик видит в том, что «какого-то дяденьку обошли, не пригласили. Думали, и без его эта свадьба пройдет безо всяких» [Там же]. Объяснение этому мотиву можно найти в обычае, отмеченном в Боснии, где каждый гость-мужчина имеет право прижимать невесту к стене, эта акция символизирует супружеское объятие [Пропп 1986: 307].

Можно привести примеры, где символической заменой жениху выступает сват. Так, в мифологическом рассказе едут поезжане в церковь венчать молодых. По дороге встречают военных. Один из солдат просит у капитана разрешения «коло свадьбы пошутить». Капитан спрашивает, не будет ли с молодыми чего-нибудь плохого и, узнав, что нет, разрешает. «Он что-то такое там притворил, пошептал ну, чародей, он всё могут сделать». Свадебный поезд останавливается, невеста выходит, идет вперед, за ней сват и жених. «Молодая... останавливается, юпочку свою задирает... молодой в попку — “бучки” (от лит. *buiuoti* — целовать), сват в попку — “бучки”, перекрестились, сели на повозку и поехали». Военные «за пупки, за животы схватились и лопаются со смеху» [Новиков, Тримакас 2001: 316].

Слово ‘шутить’ в мифологических рассказах на сюжет «колдун портит свадьбу» — прежде всего обрядовая лексика, обозначающая акции колдуна, — «наводить порчу», «колдовать»; ср.: испорченная колдуном женщина: «Я тоже позевкана (т.е. испорчена)... пошучена была» [Мифологические рассказы и легенды 1996: № 357]. Глагол ‘пошутить’ обозначает деятельность нечистой силы: бес «шутит», сбивая с пути, когда что-то ищут, говорят: «Шут, шут (вариант — бес), поиграй и отдай»; ‘шутить’ о нежити, нечистой силе: ‘дурить, блазнить, морочить, пугать’, ‘шут’, ‘шутик’ — обозначения черта и других мифологических персонажей (домового, лешего, водяного), ‘шутовка’ — русалка [Даль 1912–4: стлб. 486–1488].

Слово ‘шутить’ многозначно, оно обозначает ‘насмеяться, высмеивать’, также ‘проказить из чувства мести’ [Там же: стлб. 486]; ритуальные услуги колдуна должны быть оплачены, месть колдуна связана с идеей обмена: не дали ему четверти водки, он лишил жениха и невесту генеративных способностей.

Обратимся к этимологии слова ‘шутить’: оно родственно балтийским словам со значением ‘безумствовать, бесноваться, буйствовать во гневе, приходиться в бешенство’ (например, лит. *sauteti* — безумствовать, бесноваться; *sausti* — бесится, *susti* — приходиться в бешенство; лтш. *sust* — безумствовать, шутить, шуметь [Фасмер 2008 4: 411]. Таким образом,

слово 'шутить' также означает состояние колдуна во время отправления магических практик. Для колдуна во время контактов с потусторонним миром характерны специфические психофизиологические состояния и особые формы поведения [Мазалова 2007: 35–49]. По мнению некоторых исследователей-психологов, радость, сопровождающая смех, является одним из средств введения в состояние измененного сознания: «Взаимосвязь между радостным переживанием, ощущением энергии и чувством компетентности вызывает то трансцендентное чувство свободы, которым часто сопровождается эмоция радости, — чувство радости за пределы собственного “Я” и обыденной реальности, чувство соприкосновения с непостижимым и вечным». Люди «в состоянии экзотической радости переставали осознавать собственное “Я”, теряли идентичность, как это бывает при мистических переживаниях, связанных с медитацией» [Изард 2003: 153].

По мнению Т.А. Бернштам, рассматривающей значение слово 'шутить' в обрядовой лирике, оно обозначает сексуальные намерения (и / или их осуществление) юношей [Бернштам 2008]. Это подтверждает и материал русских сказок: в варианте сюжета «Молодильные яблоки» (СУС 551) царевич овладевает сонной героиней — Белой Лебедью Захарьевной: «Он взял воды, поцеловал девицу и пошутил с ней негораздо» [Афанасьев 1984: № 174]. В других вариантах сюжета эта ситуация описывается следующим образом: сказочный герой «воды испил, колодезь не закрыл» [Там же]; «самое ее облюбил» [Там же: № 176]. Сказочная героиня Елена Прекрасная оценивает происшедшее с ней: «Что такой за невежа был, квашню раскрыл и две полушки на смех положил» [Там же: № 176]. Это подтверждает и славянский язык: так, в болгарском языке шутка — «vulva» [Фасмер 2008: 4].

Также многозначно слово 'подыграть': «Дружки были, дак могли подыгратся над свадьбой: песку насыпет, кони встанут как вкопаны и не идут далее» [Востриков 2000: 65]. Это слово означает не только 'смеяться, подшучивать, тешиться', но и 'издеваться, злорадствовать, тешиться'; это также обрядовая лексика, связанная с сакральными ситуациями [Бернштам 1988: 11].

И. Хейзинга рассматривает понятие «священная игра», которая приводит человека в состояние возбуждения, при котором у него возникают представления о каком-то ином «священном мире» [Хейзинга 1992]. В русской традиции близки к этому значению некоторые значения слова 'играть', например, истерический припадок, сопровождающийся криком, — «измененное» состояние кликуш во время припадка [Словарь

русского языка XI–XVII вв. 1979–6: 82]; ‘игрец’ — нечистый или злой дух, бес и др. Слово ‘играть’ также имеет эротическое значение: игральщик — ухажер, играть — встречаться с юношей.

Свадьба связана с экстремальной ситуацией для жениха и невесты, поскольку здесь происходит их превращение в новых людей и во время проведения обряда существует угроза их жизни. Основное чувство, которое испытывают участники свадебного обряда, — страх и тревога по поводу того, насколько успешным будет его проведение. Это реакция на неопределенную ситуацию, потенциально несущую угрозу для жениха и невесты, связанную с переходом из одного состояния в другое. Смех, который вызывает колдун у присутствующих, снимает тревогу и напряженность.

Смех над колдуном встречается в еще одной сюжетной ситуации быличек: когда он теряет магическую силу. Осмеяние колдуна может происходить на состязании ритуальных специалистов, нередко приуроченном к свадьбе. Обычно соревнуются два колдуна: старый и новый или «чужой». Свадебный обряд тоже представляет собой противодействие двух партий — жениха и невесты. Местный колдун принадлежит партии жениха. Невеста — «чужая», с ней можно сопоставить пришлого, «чужого» колдуна, который появляется на свадьбе. Соревнования характерны для свадебных обрядов многих народов. Их семантика — повлиять на плодородие будущей семьи [Хейзинга 1997].

В мифологических рассказах на сюжет «Дока на доку» нередко происходит осмеяние старого колдуна. Так, в мифологическом рассказе солдат, отслуживший на царской службе, возвращается домой и попадает на свадьбу. Местному колдуну «снаряжают» — готовят богатое угощение и деньги. Солдат предлагает себя в дружки и устраивает соревнование с колдуном. Одним из средств борьбы в поединке двух колдунов является страх. Солдат выказывает недюжинную храбрость, он не боится превращений колдуна в различных животных («страхов»): при виде разъяренного быка «все поезжане испугались, а солдат и усом не мигнет» [Афанасьев 1985: № 378]. Происходящее приводит колдуна в ярость: «Колдун крепко осердился: гостинцев ему не дали, пробовал было страхи напускать — и то дело не выгорело» [Там же]. Солдат чудесным образом поднимает колдуна к потолку и заставляет гостей хлестать его прутьями. Это повергает колдуна в страх и уныние, он испытывает обиду и стыд, становится беспомощным.

В другом варианте этого сюжета «колдун задрожал от страха» [Сokolovy 1915: № 30]. Солдат лишает колдуна магической силы: после того как колдун выпивает поднесенный им стакан пива, у него выле-

зают глаза, а солдат выбрасывает их: «Остался колдун на всю жизнь слепым и закаялся страхи напускать, над людьми мудрить» [Афанасьев 1985: № 378]. После победы над колдуном солдат убеждает людей больше не бояться его: «Ну, теперь не бойтесь этого колдуна: ни одной свадьбы не опустит волкам (не превратит в волков. — *Н.М.*) и ни одной свадьбы не испортит» [Соколовы 1915: № 30]. Осмеяние колдуна сопровождается утратой им магической силы и заменой его новым колдуном.

Многие свадебные обычаи сопровождаются смехом. Так, в заонежском мифологическом рассказе описана победа над старым колдуном. Неофит заставляет старого колдуна повиснуть вниз головой, ногами к матице, и выплюнуть собственные зубы. Потеря зубов означает лишение жизненной, магической силы и соответственно смерть колдуна как ритуального специалиста: «Без зубов это уже не колдун, у него все будет недействительно» [Кузнецова 1997: 117]. Кроме того, по архаическим представлениям, зубы — это зародыши жизни [Мазалова 2001]. Выпадение зубов у более слабого колдуна сопоставимо с рождением детей у молодых.

После победы над старым колдуном к молодому колдуну стали «приезжать» за отпуском со всей округи, т.е. он заменяет старого колдуна [Кузнецова 1992: 127]. Таким образом, смех сопутствует замене старого новым. Он символизирует победу страха перед старым колдуном. Вместе с тем этот смех сменяется страхом крестьян перед преемником колдуна.

Еще одна из форм осмеяния старого колдуна — сильный колдун заставляет его на виду у всех присутствующих отпралять естественные надобности: во время состязания солдат подсыпает местному колдуну какой-то порошок в питье:

«Начало Савку прихватывать, стал он с почетного места проталкиваться. До середины избы не доскочил, как все повалились со смеху. С тех пор побежденный колдун заперся в своей избе, никуда не выходил и к себе никого не впускал. Вера в него поколебалась навсегда, хотя бабы приняли за колдуна и солдата» [Максимов 1994: 106–107].

Эти акции связаны с представлениями об утрате силы колдуном. Более слабый колдун сопоставим с женщиной, испражняться — символ «родить». О.Б. Христофорова сравнивает отправление естественных надобностей колдуном на свадьбе с будущей кувадой мужа [Христофорова 2007].

Существует представление о том, что если колдуна магическими или иными средствами заставить публично отправлять естественные надобности, он лишается магической силы: так, в быличке колдуна подвешивают вверх ногами в дымоход, «пока он не укастился», его накормили его собственным калом: «Тогда все его колдовство пропало» [Русские крестьяне 2004: 88].

Для того чтобы стать колдуном, следует, в частности, поглотить какую-либо телесную субстанцию, например слюну, мочу учителя; чтобы лишить колдуна магической силы, нужно, чтобы он изверг из себя какую-либо телесную субстанцию: пролил кровь или справил естественные надобности.

Таким образом, на свадьбе происходит символическая смерть старого ритуального специалиста и «рождение» нового, что соотносится с семантикой свадебного обряда, где происходит «смерть» юноши и девушки и «рождение» мужчины и женщины. Становление колдуна связано с эмоцией страха, только тот неопит, который преодолел страх во время обряда посвящения, становился колдуном [Мазалова 2007]. «Смерть» колдуна как ритуального специалиста сопровождается осмеянием; смехом также означает признание нового колдуна.

В образе колдуна прослеживаются архаические черты руководителя свадебного обряда, связь с божествами плодородия и, кроме того, черты трикстера. Эти черты становятся непонятными для исполнителей, и на первый план в мифологических рассказах выступают психологические мотивировки поступков персонажей. Его акции, направленные на то, чтобы вызвать смех и таким образом повлиять на генеративные способности жениха и невесты, тоже воспринимаются как агрессия, хотя и шутливая.

Смех — сложный семиотический механизм, имеющий созидательные и разрешительные аспекты [Пропп 1997, Бахтин 1965]. Безудержное веселье и фривольные настроения, которые создавал колдун на некоторых праздниках и во время свадьбы, на время отрицали систему обыденных норм, создавали ситуацию нерегламентированности отношений, организованную по сходству с «первоначальным хаосом». Именно эта неупорядоченность была гарантией обновления мира. Универсальное представление о смехе — способствовать появлению новой жизни и быть ее символом (знаком). Ритуальный смех направлен на преобразование жизни, он является смехом созидательным.

Библиография

- Русские народные сказки А.Н. Афанасьева. М., 1984. Т. 2, 3. М., 1984–1985.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988.
- Бернштам Т.А.* «Смех-плач» — феномен русской народно-православной культуры // Христианство в регионах мира / Отв. ред. Т.А. Бернштам, сост. Т.А. Бернштам, Ю.Ю. Шевченко. СПб., 2008. Вып. 2.
- Востриков О.В.* Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь. Магия и знахарство. Народная мифология. Екатеринбург, 2000. Вып. V.
- Ермакова Е.Е.* Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI в.). Тюмень, 2005. Т. 2.
- Изард К.Э.* Психология эмоций. М.; СПб., 2003.
- Кагаров Е.Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности // Сбор. МАЭ. 1929. Т. VIII.
- Козинцев А.Г.* Человек и смех. СПб., 2007.
- Колесов В.В.* Древняя Русь. Наследие в слове. Бытие и быт. СПб., 2004.
- Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск, 2000.
- Легенды, предания, бывальщины / Сост., подг. текстов, вступ. ст. и комм. Н.А. Криничной. М., 1989.
- Логонов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
- Лотман Ю.М.* О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Тез. докл. IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970.
- Мазалова Н.Е.* Ритуально-магические практики русских «знающих» СПб., 2007.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. М., 2007.
- Новиков Ю.А., Трмакас Р.* Поверья и мифологические сказания о «волховитах» (колдунах). Из записей фольклора старообрядцев Литвы // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2001.
- Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Сост. В.П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997.
- Панченко Н.Н.* Обман // Антология концептов. М., 2007.
- Протт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 4. Нижегородская губ. СПб., 2006.
- Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001.

- Словарь русского языка XI–XVII вв. СПб., 1979. Т. 6.
Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 1977.
Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
Христофорова О.Б. Заметки о колдовстве и естественных надобностях // АБ–60: Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. СПб., 2007.
Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комм. О.А. Черепанова. СПб., 1996.

А.Ф. Некрылова

СТРАННЫЙ ПЕРСОНАЖ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕАТРА (ЗМИУЛАН)

Фольклорный театр возник в России не ранее середины — конца XVII в., расцвет же его приходится на вторую половину XIX столетия, когда активно формировалась так называемая «третья культура» — культура городских низов, во многом базирующаяся на фольклорном наследии и фольклорной памяти и одновременно пытающаяся «дотянуться» и освоить те профессиональные сферы искусства, с которыми давал возможность познакомиться город [Прокофьев 1983: 6–28], в частности искусство сцены. Разумеется, простонародный зритель получал представление о театре не в его академическом, высоком качестве, а через адаптированные формы в виде постановок на подмостках балаганов, в интерпретации любительских трупп. Особым успехом фольклорный театр пользовался у жителей городских окраин и крупных торгово-промышленных сел, заводских и фабричных рабочих, мелких чиновников и мастеровых, а также у солдат, матросов и даже в тюрьмах и острогах¹. Проникнув в крестьянскую среду,

¹ Ф.М. Достоевский, присутствовавший на представлении, разыгранном арестантами «острожного театра», писал: «Очень бы и очень хорошо было, если б кто из наших изыскателей занялся новыми и более тщательными, чем доселе, исследованиями о народном театре, который есть, существует и даже, может быть, не совсем ничтожный». Искать такой театр «надо у солдат, фабричных, в фабричных городах и даже по некоторым незнакомым бедным городкам у мещан. Сохранился он по деревням и по губернским городам между дворянами